SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Повесть Ярослава Глущенкова, опубликованная в литературном журнале Вещь, Пермь, 2.10.14.
http://www.senator-perm.ru/wp-content/uploads/vesh/Vesch_10.pdf

•

Моя душа сплетена из грязи,
нежности и грусти.

Василий Розанов

***

Действительность простужена ландыша-ми. В выпотрошенные мешки легких проникает зима.

***

Приход на работу каждый день волнителен, как первые любовные свидания. Нет-нет, здесь не трусость, бояться решительно нечего. Я прихожу на завод, как будто в большой живой организм, в котором все органы наняты.

***

В последние дни я много сплю на работе. Меня зовут. Я встаю с лежанки, помятый и всклокоченный, иду делать свою работу. Что-то перетащить, погрузить, принести воды. Затем я возвращаюсь в свой укромный уголок. И снова ложусь спать.

***

На складе работают женщины: Таня, Ирина Петровна и Татьяна Ивановна. И я, грузчик, в их подчинении. Одна из них весь день сидит за компом, иногда выходит и смотрит на

разваленные на полу кучи запчастей, генераторов, чистит их спиртом, смотрит через лупу серийный номер дета. Она занимается вышедшими из строя запчастями.

***

Кладовщиц две. Одна круглая, невысокого роста, с белыми волосами, как пух одуванчика, только слегка засаленными и похожими на парик. От нее всегда пахнет искусственными духами (или это ее естественный запах?), от которого меня выворачивает. Я еле сдерживаюсь, чтобы не блевануть ей под ноги или в лицо — всегда напомаженное. У нее тараторящий рот, поэтому мне по нескольку раз приходится переспрашивать, что нужно сделать. Я всегда задерживаю дыхание, когда мы идем с ней искать какую-нибудь деталь. Она недолюбливает меня. Однажды я услышал, как она говорила о предыдущем грузчике, который был куда лучше и веселее, чем «нонешний вариант», то есть я. При любом удобном случае она обливает меня раздражительным недовольством.

***

При невольном общении с коллегами мне открываются невообразимые бездны их жизней. Грузчики — народ чрезвычайно простой и открытый. Даже нежный. Один раз, когда я устроился божественной весной на работу на алкогольный склад, соседствующий с заводом, где производили халву, я оказался в компании недавно демобилизовавшегося Лёхи, рассказывающего о том, как хорошо курить героин, и абсурдно тупого, но доброго гопника с Нагорного, Сани, показывающего на своем мобильнике видео спрыгнувших с крыши девочек-самоубийц.

***

Общим пунктом всех вдохов и ахов был Стас Михайлов. Они включали музыку так громко, что мне хотелось выйти на улицу и сесть под солнцем возле огромной горы поддонов. Еще с нами работал Максим с большими мутно-голубыми глазами. Он постоянно стрелял у всех на проезд. А на работе читал Псалтырь. Вскоре его поймали на проходной с украденным дорогим

коньяком в подкладке куртки. Также выяснилось, куда пропадала мелочь из карманов курток в раздевалке.

***

Конечно, я бы хотел рассказать им о том, что помимо радостного веселья насекомые и время тесно связаны в своей красоте. О том, что царство насекомых есть метафора нашего тления, когда мы превращаемся в творог в тот момент, когда тело наше отпускает свой сон в дыхательные пути Господа. Или о том, как было бы здорово, если бы мир перевернулся и нам пришлось бы ходить по потолку, постоянно рискуя сорваться вниз в небо.

***

Таня очень громко разговаривает. Она редко разговаривает — чаще надрывно кричит. Она делает все с неисчерпаемым позитивом, как будто нельзя по-другому. Иногда она громко поет народную или попсовую песню, вкладывая в пение всю свою охрипшую душу. Она может прийти на работу с опозданием, сказав, что дома потек кран, а под вечер опохмелиться банкой слабоалкогольного коктейля. Из ее многочисленных разговоров по телефону, о ее жизни можно узнать все. Это так неизбежно и липко, как раненная ножом банка вселенской сгущенки, томно текущая, как каждодневные рабочие часы.

***

Мое дело в организме работы — спать. И откликаться, когда звучит мое имя. Нирвана, пыль на полках, тараканы размером с мизинец человека, прыгающие на плечи, как пьяные клоуны в цирке, бросающиеся на заснувшего в теплой болотной ванне бегемота, и пустота.

***

Татьяна Ивановна женщина почти преклонных лет и с признаками начинающегося слабоумия. «Птичка! Это птичка!», — суеверно кричит она, когда видит порхающий комочек на складе. А еще она боится крыс, которые роются в коробках с мусором.

Татьяна Ивановна любит раздражать меня постоянными советами: «Не сломай! Аккурат-но! Не урони, а то не расплатимся!»

***

Я все равно буду бросать эти коробки с лобовыми стеклами и колесными дисками. Даже если меня запалят, я молча выслушаю: «Осторожней! Нам не расплатиться!». А потом высушу это в себе, потому что это — работа, которую мы пьем и дышим каждый день с ее смертоносной пылью, вместо того чтобы лизать кефирные соски ночи. Я все равно буду кидаться в вас вашими же кофеварками, телевизорами, генераторами, автомобильными двигателями и прочей херней. Но буду делать это профессионально. Грузчик — это кусок грязного неба под ногтем.

***

Я разгрузил «Газель». Привез большие коробки с запчастями к Тане на тележке. Таня курит и перебирает накладные. Разговаривая по телефону, она отвечает что-то подошедшему с заказ-нарядом слесарю.

***

Под «холодным» складом есть нечто вроде подвала. Под него можно залезть с улицы, что я и сделал вчера. Там внутри огромные кучи мусора, много осколков стекла, целые хрустящие горы. Я залез туда через дыру в стене, подвал уходил влево и вел довольно далеко. В щели между досками проступал молочно-серый свет. Я пошел по кучам осколков дальше, влево, до самого конца. В конце я нашел нечто потрясающее. Между двумя железными сваями висел очень грязный и плешивый ковер, служивший как бы ширмой, охраняющей бездомного, который там жил в теплое время года. Еще там висели на веревках неимоверно грязные джинсы и прочая одежда, найденная скорее всего на помойке. И меня торкнуло. Доска в стене была сломана, виднелся кусок пятиэтажного дома напротив сквозь листву деревьев. В щели досок бил загустевший пасмурный свет. Солнце выпускало закатные лучи, как щенят, которые лезли сквозь щели досок. Моя голова начинала кружиться. Мне показалось, что там

за ковром кто-то пошевелился. Может быть, это было приведение. И мы вместе с ним погрустили в грязи.

***

Лежу у себя в уголке. «Ярослааав!» — кричит Таня. Меня словно ужалил шмель. Я встаю, тяжеловато возвращаясь в этот мир и не слишком торопясь выхожу.

— Чего, бл...? — ору я в ответ.

— Помоги коробку перенести!

— Ярослав, ну где ты там! — раздается голос слесаря. — Спишь опять, что ли?

Это их любимая шутка. Таня подхваты-вает:

— Женщина у тебя там голая во сне, что ли?

— Нет, одетая еще, — отвечаю я, подхо-дя к ним.

— Не успел раздеть еще? — и оба хохо-чут, перемигнувшись.

***

Лежу у себя в уголке на картонной по-стели, читаю рассказы Чехова. Слышу шаги. Мужской голос:

— Ярик, ты в кабинете? Можно к тебе?

Как только я устроился на склад, я вырезал из картонной стенки в своем уголке дверцу, которая закрывалась на проволочку. И на дверце написал «Кабинет грузчика». Это вызвало много веселых эмоций у Тани и слесарей.

— Да, заходи.

Это был кладовщик из Лысьвы. Он однажды уже заглядывал ко мне. Я тогда тоже лежал на кушетке из досок и читал книгу. Он курил, размахивая сигаретой, которая кружилась, как навозная пчела, возле его лица и всякий раз возвращалась ему в зубы. Ему лет тридцать, он небольшого роста, акцент такой бодрый — пацанский, но незлобный. Ему хочется поговорить.

— Хорошо устроился, — улыбнулся он.

Я был слегка сконфужен его появлением, до этого никто не заглядывал за ширмы моего «кабинета». И я только протянул, не вставая:

— Да.

Он посмотрел на открытую книгу и выдавил:

— У меня в третьем классе скорость чтения была 190 слов в минуту, — он провел глазами слева направо. — Я однажды за ночь вот такую книгу Дарьи Донцовой прочитал.

После этих слов мой конфуз стал еще более глубоким. Мне захотелось его вежливо послать. Но я продолжал слушать и мычать в ответ.

— Вот это да-а, — сказал я, как бы восхитившись, и глаза мои сами собой уперлись в книгу, которую я держал.

Он еще постоял молча, смекая, что я за птица и что со мной вообще нечего обсудить. Он правильно решил, что я не в теме.

Через две недели я снова услышал его приближающиеся шаги.

— Ярик, ты в «кабинете»?

И тут же заходит в мой уголок с пустой пластиковой бутылкой и дымящейся сигаретой в зубах.

— «Плюшку» хочу покурить, домой в автобусе три часа ехать.

Он достал из-под крышки сотового теле-фона эту самую «плюшку» размером с половину ногтя на мизинце, бросил ее на страницы книги, лежащей на моем столике, сигаретой прожег дырочку в бутылке и затем ткнул сигаретой прямо в этот темный кусочек, прилипший к странице одного из чеховских рассказов, так что я вздрогнул.

— Фигня! Пацаны с белых брюк берут — и ни следа! — он жестом показал, как пацаны тыкают сигаретами в «плюшки» на своих белых брюках, приподняв в воздухе ногу, согнутую в колене. На конце его сигареты задымилась «тема», он просунул ее сквозь дырочку в бутылке. Выждал с полминуты. Дым медленно заполнял пространство бутылки. Я с интересом наблюдал.

Вдруг выплывает Ирина Петровна:

— Игорь, верни мне пропуск.

Держа одной рукой бутылку с дымом, другой он достал пропуск и протянул его через картонную стенку. Она ушла, ничего особого не заметив. Он разом всосал весь дым, спросил у меня, куда можно выбросить бутылку, быстро попрощался и убежал на автобус.

Мы с Чеховым переглянулись и решили после работы напиться.

***

Рабочий день благополучно сдох. Сгнил, как новогодний залежавшийся под диваном мандарин. Но я рад. Безысходно, счастливо и бесповоротно рад, как первая замерзшая в лед лужа.

***

Сентябрь морозен и дышит в мои легкие свободой.

***

На работе я весь день спал. Лишь под конец перенес железное крыло автомобиля в магазин. А там Лена и Оля хором попросили меня набрать для них воды в двух пятилитровых бутылках.

***

Весь день спокойно шипел осенний холодный дождь. Я думал, как проведу вечер. В итоге, решил посмотреть закат на балконе тринадцатого этажа любимого мною дома за стадионом «Звезда». Когда-то я влюбился в этот дом, бродя и шатаясь по красоте вселенной, ограниченной улицами-венами моего города. Я постоял возле подъезда, пока один из жильцов не вышел. Я придержал дверь и был выпит холодным теплом внутренностей многоэтажного дома. Я поднялся на самый верх, вышел на общий балкон, вид был чудесный. Как гнойник счастья, у меня вскрывалось сознание, всякий раз когда я туда приходил. Напротив рос в рутинную бездну на пять этажей ниже дом малосемейных квартир. Я любил, отрывая взгляд от неимоверно красивого неба, от обширности которого можно было задохнуться, смотреть на квадратные дыры окон. Часто на мизерных балконах малосемеек показывалась фигура, выпускавшая дым. Или кто-нибудь ел на кухне суп из трупного мяса. Дождавшись, когда шею рабочего дня перетянула струна 18.00, я спокойно попрощался с охраной на проходной. Дома я часа два посидел в Интернете в поиске подработки. Потом я утолил голод куском черного хлеба с сыром, и, переодевшись в свою любимую темно-синюю кофту с капюшоном и эмблемой якоря на спине, вышел на улицу. Прекраснейший закат стремился вонзиться в ночь. Я шел быстро, перешагивая разинутые рты грязных луж. И вот я поднялся на широком лифте на 13 этаж. Скрипучие двери медленно открылись. Уже открывая дверь на балкон, я заметил, как мелькнула чья-то фигура. На улице были две девушки лет по пятнадцать. Одна из них сидела на полу на сумке. Они курили тонкие сигареты, что-то пили. Я зачем-то спросил: «Здравствуйте, тут занято?» Они смотрели весело, но мне не хотелось общаться. Я спустился на этаж ниже. Солнце еще освещало небо, но уже сидело за протянутым вдоль всего горизонта облаком — грандиозным с узорчатыми краями, густого

темного цвета бездны. Чуть выше золотился в еще не ушедших лучах остров-облако, более всего напоминающий лоскут тускло-серой ткани, речи, сна... И все это очень плавно утекало вправо. Слезы текли невидимо и падали из вен. Такие же необъятные, как эти тучи. Мне хотелось, чтобы со мной была ты. Это было несколько мучительно, но я твердо знал, что даже будучи со мной сейчас, ты не разделила бы именно это настоящее, питаемое во мне алкоголем чувством одиночества. Я, впрочем, недолго там простоял. Сверху часто летели плевки этих двух малолетних девиц, которые громко обсуждали отсутствие денег в стране. Я хотел спуститься по ступенькам, но там внизу кто-то стал очень хрипло кашлять. Пришлось спускаться на лифте. Я вышел из подъезда, потихоньку начиналась ночь. Я шел по почти безлюдным переулкам, и, проходя мимо здания телефонного завода, где на самом верху виднелся одинокий балкон, остановился, представляя как было бы клево зайти сейчас на него и увидеть такой закат, его сплошную стену туч вдоль горизонта, над которыми ясно смеркалось чистейшее небо. Я допил остатки алкококтейля и подумал, что в будущем, когда все здания будут заброшены, так и случится. Кто-нибудь выйдет на тот балкон, закурит последнюю сигу и вольет в себя этот скандальный мрамор красоты.

***

В моем картонном кабинете грузчика летают огромные мухи размером с апельсин или кошку.

***

Когда я пытаюсь вздремнуть на работе, пока меня не начали эксплуатировать, мой трудовой кокон разрезан жадным беспокойным визгом одной обнаглевшей мухи, которую я почему-то назвал про себя Екатериной. Она будто осатанела, садится всем своим брюхом и щекотными лапами мне на губы, успевая коснуться их своим осторожным холодным хоботком. Когда я возмущенно отплевываюсь, и хватаю какую-нибудь книгу, чтобы оглушить ее, Катя омерзительно взвизгивает и, хаотично зашивая воздух, делает мертвые петли и кидается на мое вспотевшее лицо, которое она приняла, должно быть за лужицу болотной мочи. Скрипучее жужжание выдает ее беременность. А еще она явно в истерике. Погоди же, сейчас я тебе пришибу «Братьями

Карамазовыми», тогда и поглядим на твою истерику, думал я. Как безумный бейсболист, держа двумя руками увесистый том Достоевского, я стал махать книгою, пока наконец жирная чертовка не вылетела вон. Я жалел, что не убил ее. А потом лег на доски, покрытые мешками. Зашторив глазницы, запахло сном. Но через пять минут меня позвала кладовщица Таня хриплым, громким и неизменным зовом: «Ярослаав!»

***

Разгрузив машину, я вернулся в свой уголок и повалился истекать потной смолой на лежанку, огороженную высокими картонками. Здесь в течении пяти дней, составляющих мерзкое туловище рабочей недели, я сплю, читаю, принимаю пищу, звоню жене, и пишу этот дневник, пачкая манжеты липкими словами. Жизнь моя совершенно бездарна. Мне мало платят, поэтому нам с женой приходится жить раздельно. Дети наши еще не зачаты. Они дремлют на лодках во зеленом океане внутри нас.

***

К койке моей примыкает большой железный стеллаж, полки которого заблеваны различным хламом, оставшимся от автомашин. Я ложусь поудобней, как облако на воде, и прислушиваюсь к насекомым тишины. За стеной стучат своими головами слесаря-механики, перекрикиваясь друг с другом, когда становится скучно: «Да пошел ты!» Они любят таким образом рассуждать и делают это довольно часто. К примеру, слесарь N начнет что-то громко закручивать, как ему тут же весело кто-то кричит: «Да пошел ты!».

***

Раньше мне приходилось быть в непосредственной вблизи и даже эпицентре подобного диалога среди моих коллег-грузчиков, особенно на складе с алкогольной продукцией. Там я всегда чувствовал неловкость, когда от меня всерьез ждали ответа на вопрос: «В жопу лазил — свет горел?». В ту пору я относился к реальности серьезно, поэтому мне хотелось просто плюнуть вопрошающему в лицо, тем более, что он совершенно открыто хотел посмеяться надо мной, выставить дураком перед

осклабившимися лицами грузчиков. Все они были моими ровесниками, тупыми гопами. Слава Аллаху и черепахе, теперь я лишен подобного юмора со стороны коллег, поскольку у меня просто нет коллег. Теперь я сижу в углу склада, как крыса, и пописываю, пряча листы и резко сворачиваясь, когда кто-то приносит на склад свои шаги в сторону моего «кабинета».

***

Я могу сидеть так целыми днями и в промежутках между работой делать свои дела в углу склада, огороженный картонными стенами, пока не раздастся из глотки кладовщицы громкое, хриплое и протяжное: «Ярослаав!».

***

Я ем грязь, холодные стены домов, красивые расплавленные картины. Я ем реальность из лап бродячей собаки. Я пью свой страх, как молоко из ее лающей пасти.

***

Молчи! Нас проглотит зимний лес, и мы проснемся. Сиянием из пальцев в острые дырявые голодные виски, влюбленные в тебя. Но чу! Меня зовут на работу пластилиновые вены. Надо перетащить коробки. Должно быть, в них упакованы черепа ничейных ангелов, потому что я — вытатуированная нелепость на шее рутинной работы.

***

Идя на работу сегодня утром, столкнулся с пьяной карлицей за общежитием. Она шла мне навстречу, раскинув маленькие ручки в стороны, словно собираясь меня ловить. Сначала я почему-то жутко испугался и осколочно вздрогнул. Вероятно, она просто хотела обняться. По утрам сейчас темно, как ночью. Однако, поравнявшись со мной, она спрятала ручки в карманы. И я понял, что она и не собиралась меня ловить или же в последний момент передумала. А может быть, это был всего лишь некий способствующий согреванию жест. Я не разглядел ее лица

хорошенько, но точно решил, что уже не один раз встречал ее в здешних дворах. Она всегда была грязно одета, а маленькое сморщенное лицо и живые глазки часто были затянуты туманом алкогольного бессилия, но всегда было крайне каким-то веселым, даже метафизически веселым.

***

Сердце мое прыгало, как понюхавший клея король в белой клетке, когда слоник топнул не него и все побледнело вдруг и запахло шахом.

***

Дойдя до работы, я заварил чай и достал большой кусок халвы. Сейчас рот мой забит этой восточной сладостью, напоминающей сон о той нашей весне, когда ты забеременела от меня. Мой рот заполнен сном, я почти счастлив. Сижу в костлявом желудке работы и медленно перевариваюсь.

***

Я не вижу свет, я чувствую лишь сон. Он все чаще и тщательнее зашивает мешки моих глаз. Он постоянно следит за мной изнутри, стоит мне отвлечься, как самое ядро клетки забрасывается тяжелым ощутимым живым сном. Он для меня как карамелька в беззубом рту сироты, остриженном наголо на острове нимфы Калипсо. Серые замогильные псы неимоверно пугают меня, превращая в белую жидкость для своих щенят. Яд, пропитавший их клыки, после укуса, разрывающего мою плоть, навевает сочный спелый сон на мой поистершийся разум.

***

Я композитор, сочиняю мазурки вен для улиток, ползущих от догоняющего их заката по изогнутым стенам, скрывающие в своих улиточных домах государственных преступников, шаманов, галлюциногенных певцов и обнаженных, доступных, как снег, певиц с хрустящей кожей, похожей на тусклый свет.

Я застрял в тюрьме, как серебряная пуля в черепе

влюбленного самоубийцы, и мне уже неизвестно что происходит внутри моих клеток. Я запотевшая капсула сна, пилюля, застрявшая в его кармане, которую он достает и глотает со все более нарастающей частотой.

***

Сон мой, округлый как лопнувшее на зубах деревьев солнышко, испеченное беззубым дедом и веселой бабкой.

***

Как мой радостный сын однажды вылез из лелеемого лона моей возлюбленной, также мой дикий премудрый сон всякий раз происходит из лона антиматерии, облачаясь в одежды бытия и любви, ибо мы можем причислить ее к материи, он проникает в меня через поры, через горы и лес, через нос и рот, через пальцы и язык, через запах и взгляд. Я зачерпываю его золотую лужицу в ладони и вижу, как она закипает, источая ароматный едкий дым, и я следую ее примеру, потому что в последнюю секунду осознаю себя в чьих-то необъятных ладонях.

***

Вот лежат на столе мои партитуры. Я смотрю на них, как на полотна экспрессионистов. Мне хочется зарыдать от счастья, когда я вижу свой грязный почерк.

***

Буквы так похожи на насекомых, еще секунда и они уже копошатся в белоснежном трупе альбомного листа. Буквы как микробы, живые клетки под микроскопом, грязные бактерии красоты, скопом размножаются, что твои лучи света, застрявшие в многогранном алмазе осени. А потом заразят тебя и ты захлебнешься тем, чем всю жизнь восхищался и почитал едва ли не за Господа. И выйдет, что рога, за которые ты так уверенно схватил быка — это два раскаленных уродливых ..., готовых брызнуть в твою гримасу липкой зыбучей слизью. Тогда ты соскользнешь еще на одну ступень и друзьями твоими станут

насекомые, которыми дышит растянутая над миром, как шатер, черная бесцветная пустота.

***

Я чувствую, что меня больше нет. Лежа на самодельной кровати из досок и полиэтиленовых мешков, телогреек и валенок, окруженный высокими картонными стенами, отступающими под нажимом руки, я чувствую, как вокруг меня меняются лишь мысли металлических потрескавшихся старых плиток, которыми равномерно устлан весь пол склада. Это последнее прибежище грустного грузчика в летний, дико шевелящийся грозовым серым вареньем день. Здесь пройдут его дни, за писанием картонных стен различными рисунками черным маркером и выдуманными иероглифами тишины. Лежа на самодельной кровати, мы почувствуем, как в поры черепа просачивается безмятежность, как однажды в ванную комнату к нам просочилась обнаженная женская душа, после чего во рту, на языке и памяти остается ее теплый привкус.

***

Здесь, в этом храме, а точнее, больнице машинных механизмов нет ничего безумного, кроме моих насекомых. Здесь основное божество — это исправно работающий двигатель. Большие залы «храма», безнадежно пропахшие едким машинным мясом и соком автомобильных внутренностей, обретаются в один большой полноценный организм. Всякая система копирует систему жизнедеятельности и жизнеобеспечения живого организма, в частности человека, в результате производя некоего робота. Однако робот вдруг заболевает и есть надежда, что внезапно где-то на черных чердаках его или в подвале, где спит прекрасная индустриальная душа, сверкнет и разразится первоначальная божественная схема всего организма. Я проникаю в это царство расчлененных мясных машин. В доказательство того, что предприятие — это большой живой организм, приведу пример: одно помещение рабочие прозвали «кишкой». «Кишка» — это длинный и темный зал, который сначала заполняется автомобилями, а потом опорожняется от оных.

***

Но кто я? Вирус, таблетка, пуля, нож, идея? Кто я, попавший в него, застрявший внутри чьей-то бесформенной, но реальной вены. Я кадр. Моргнувшая пленка, застывшая в безденежье. Я здесь, в этом организме принимаю участие как клетка-переносчик, точнее транспортировщик. Им нужна лишь моя физическая сила, мое физическое бытие.

***

Я чувствую, как этот организм серебряным свежим утром стоит передо мной, как прием таблеток в волшебном дурдоме, когда я уже переоделся в синюю робу. А он своим запахом и продажной механической любовью просит смерти, безумия и хочет стать красотой.

***

Я возвращаюсь с обеда из столовой и вижу, как у входа курит одинокая девушка. Рыжеволосая, она держит возле губ два пальца, в которых зажато это. Все это, весь наш мир. И он дымится, горит. Рядом с девушкой сидит орангутанг и протягивает длань в сторону дымящейся палочки в губах девушки, вероятно желая также высосать немного того мира. Но я ошибся. Это оранжевый мусорный бочок, в который девушка манерно стряхивает с мира пыль исчезнувших душ. И я понял, что здесь никого так не попрет, как меня. Поэтому однажды, придя на работу как обычно через разинутую пасть огромной черепахи, я наконец положу начало безумию в этом организме. Это будет стихотворение на квадратном клочке бумаги. Бесспорное, как зародыш в лоне беспризорных сновидений.